

лоррис мюрай

двенадцать лет,
семь месяцев
и одиннадцать дней

Встречное движение

Лоррис Мюрай

**Двенадцать лет, семь
месяцев и одиннадцать дней**

«Самокат»

2015

Мюрай Л.

Двенадцать лет, семь месяцев и одиннадцать дней / Л. Мюрай —
«Самокат», 2015 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-00167-499-3

Уолдену 12 лет, семь месяцев и три дня. В таком возрасте каждый день важен, хоть Уолден и понимает это, только когда отец оставляет его одного на неделю в лесной хижине. Прямо как в книге великого Генри Торо, которой отец мучил сына всё детство. Что Уолден сделал не так? Ясно, что он не оправдывает надежд отца, он недостаточно мужественный, он не боец. Матч по бейсболу, в который Уолден не отбил ни одного мяча, кажется, стал роковым. На третий день дикой жизни Уолдену становится не до размышлений, ему надо найти пищу. В ход идут и бейсбольная бита, и «ремингтон», которым его снабдил отец. Но постепенно выясняется, что изгнание Уолдена – вовсе не наказание и что во взрослом мире всё бывает намного сложнее и глупее, чем ребёнок может себе представить.

ISBN 978-5-00167-499-3

© Мюрай Л., 2015

© Самокат, 2015

Содержание

Пролог	7
Уолден	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лоррис Мюрай
Двенадцать лет, семь
месяцев и одиннадцать дней

Перевод с французского Нины Хотинской

Серия «Встречное движение»

Лоррис Мюрай (1951–2021) – мастер детективной прозы. Он написал несколько десятков романов, некоторые из них в соавторстве со своими сестрами Мари-Од и Эльвирой.

Издано при поддержке Программы
содействия издательскому делу
Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien
du Programme d'aide à la publication
de l'Institut français

Опубликовано при содействии литературного агентства Анастасии Лестер
Lester Literary Agency & Associates
Published originally under the title “Douze ans, sept mois et onze jours”

© 2015 by Editions Pocket Jeunesse, département d'Univers Poche, Paris

© Нина Хотинская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2023

Пролог

В жизни каждого человека бывают ключевые годы, такие годы, которые становятся в ней вехами навсегда. Для одних это может быть год свадьбы, для других – год рождения первого ребенка. Джек Стивенсон, если бы его спросили, без колебаний выбрал бы 1995-й. Что же произошло в 1995-м? Да ничего особенного – во всяком случае, ничего, что могло бы наложить на жизнь человека отпечаток надолго. Просто Джек имел две страсти, и обе были связаны с этим годом.

6 сентября 1995 года Джек, один из бесчисленных болельщиков, сидел на стадионе «Кэмден Ярдз» в Балтиморе. Вместе с ними он был свидетелем момента, навсегда запечатленного в истории бейсбола. Кэл Рипкен-Младший, его герой, «железный человек», на его глазах побил рекорд, который считали вечным, продержавшийся пятьдесят шесть лет. Рекорд самого большого числа сыгранных подряд матчей: две тысячи шестьсот тридцать один! Рипкен увеличил его до головокружительной цифры – две тысячи шестьсот тридцать два... что составляло семнадцать лет без малейшей травмы или насморка, в общем, без единой пропущенной встречи. Ну вот, и этот день был днем рекорда. В середине партии, когда, после пятого иннинга, он был объявлен «официальным», толпа встала, и игра была прервана. Standing ovation¹ продолжалась двадцать две минуты, в течение которых Рипкен обошел стадион, ударяя кулаком в ладони своих фанатов. Среди восторженных зрителей был президент Клинтон.

Второй страстью Джека была его машина. И по воле случая его «Шевроле-Импала-СС» сошла с конвейера в том же самом 1995 году. Попади она в руки другому человеку, не Джеку Стивенсону, давно была бы уже развалиной. Но эту «Импалу» 1995 года выпуска Джек всегда с любовью хранил и лелеял. Новенькой она, конечно, не была, но еще производила впечатление. У Джека были средства – и с лихвой – купить себе модель поновее, и почему бы не новую «Импалу-СС»? Но последнюю модель с округлыми формами он презирал. «Бабья тачила», по его мнению. Так он говаривал иногда, лаская взглядом блестящие алюминией семнадцатидюймовые колпаки своей роскошной «мускулистой тачки», некоторые детали которой в принципе полагались только полицейским машинам. И она действительно не оставалась незамеченной в своем одеянии dark cherry metallic, то есть яркого вишнево-красного цвета с металлическим блеском.

1995 год – не такая уж седая древность, однако Джек сказал бы вам, что это было время, когда мужчины еще были мужчинами, а машины – машинами.

Об этом ли он думал, резво катя по предместьям Балтимора в своем «Шевроле-Импала-СС»? Из нагрудного кармана теплой куртки высовывался билет – он направлялся к Ориол-парку, на «Кэмден Ярдз». Маленькая плюшевая птичка, оранжевая с черным, талисман «Балтимор Ориолс», подвешенная к зеркалу заднего вида, покачивалась у самого его носа.

На сей момент у Джека были две заботы. Первая: успеть вовремя на великолепный стадион, где будет проходить матч (19:05). Вторая: чтобы из-за мерзкой погоды, стоявшей уже несколько дней, не отменили встречу. Дождь шел почти двое суток, но сейчас перестал. В прохладном воздухе влага сконденсировалась в океан тумана, в котором «Шевроле» с трудом прокладывал себе дорогу.

Крепко держа обитый кожей руль, Джек ехал сквозь ключья тумана. Они походили на валки пены, которые выбрасывает море волна за волной. Дорога то исчезала в густых белых клубах, то вдруг появлялась в оранжевом свете высоких уличных фонарей. Стрелка спидо-

¹ Овация стоя (англ.).

метра тревожно клонилась за отметку 80 миль в час² – выше, гораздо выше разрешенной скорости. Навстречу мчался поток огней, желтых глаз, выныривавших из ниоткуда, мигавших и исчезающих в облаках над асфальтом. Когда зрение едва различает предметы, обостряется слух. Джек чудился жуткий непрерывный грохот, как будто навстречу мчался яростный поезд, конца которому не было.

Он не строил никаких иллюзий. «Ориолс» стали лишь бледной тенью той команды, которой он восхищался в юности. Кэл Рипкен только один на свете. Но Джек Стивенсон был человеком верным – во всяком случае, в некоторых областях. Он был болельщиком «Ориолс» и на всю жизнь так же чувствовал себя связанным с «Шевроле-Импала-СС» 1995 года. Сердцу не прикажешь. Такие вещи не делаются по заказу.

Поэтому, несмотря на ужасающие условия, он ехал и был счастлив. Урчание мотора, билет в кармане – большего ему и не надо. И тем хуже, если через несколько часов ему придется быть свидетелем разгрома его команды в дуэли с «Твинс» из Миннесоты.

Джек Стивенсон ехал теперь через пригород невнятных очертаний в поисках развязки, которая позволила бы ему завершить свой путь. Странное это было чувство – блуждать по пейзажу, виденному сто раз, и ничего в нем не узнавать. Клубы тумана всё меняли, размывали контуры, стирали время.

Может быть, он на минуту отвлекся, а может быть, взгляд его просто остановил обманчивый ориентир. Мигающие огни, которые он принял за фары машины в его ряду? В неосознанных гребнях белой зыби, раскинувшейся на все четыре полосы, он вдруг заплутал и, сам того не сознавая, свернул. Устремился на полной скорости под уклон по короткому ответвлению.

«Шевроле» задел разделительную полосу, съехал на встречную. Далекие дома расплывались в тумане, и видны были лишь ряды освещенных окон. Ничто Джека не тревожило, пока он не заметил, что вдруг исчез ряд встречных огней. Он остался один в тишине словно окутанного ватой мира.

Вдруг – глухой удар, короткий, сильный, по пассажирской двери, и свет, отброшенный трющей кругов, испускающих болезненное сияние. Краем глаза Джек увидел – пьяное видение: что-то плоское, словно ракета, пролетело перед тройной луной. Широкая «Импала» мчалась прямо на темный куб, на подстриженный куст. Джек проклял эти жуткие колоссальные клумбы из бетона, которые теперь устанавливали повсюду.

Он едва успел свернуть, чтобы избежать препятствия. Ощутил тряску под колесами, изношенные амортизаторы не справлялись. Он промахнул бетонный бордюры, съехал по наклонной. От воя сирены подпрыгнуло сердце в груди, отчаянно замигали сигнальные огни, пока он возвращался в череду машин, на верный путь. Все это длилось лишь несколько мгновений. Секунда паники, крошечная черная дыра – и он снова вернулся в привычную колею. Он глубоко вздохнул, мускулы расслабились, и происшествие осталось позади вместе с последними клочьями тумана.

На подъезде к Балтимору туман совсем рассеялся. В котле города воздух был суше. Последняя развязка вела к огромным паркингам «Кэмден Ярдз». Часы на приборной доске показывали, что ему осталось минут двадцать, чтобы добраться до стадиона.

Джек вытащил двумя пальцами билет, по-прежнему торчавший из нагрудного кармана. Теперь, когда он приехал, когда одолел туман, когда «Шевроле» был припаркован, к нему вернулась надежда. Эти «Твинс» не такие уж страшные. Мы с ними справимся. Сегодня вечером, он был в этом уверен, никто не устоит перед «Ориолс».

Хлопнула дверь, и он, будто ощутив вдруг укол совести, обошел машину и посмотрел на правое крыло. Он все-таки столкнулся с чем-то и боялся обнаружить вмятину или по крайней

² Почти 130 км/ч.

мере серьезную царапину. Этот цвет dark cherry metallic нелегко было найти, любая покраска была проблемой и стоила бешеных денег. На первый взгляд все было в порядке. Ни деформации, ни царапин, но... он сам не знал что. Он наклонился. Кажется, грязь. Нехорошие потеки. На вишневой поверхности все выглядело тусклым. Скорее бурое, чем красное, и крошилось под ногтем. Вообще-то почти ничего, но Джеку это не понравилось. Совсем не понравилось.

Уолден

Двенадцать лет, семь месяцев и три дня

Когда ждешь худшего, не может быть ни удивления, ни разочарования. Джек, однако, чувствовал, как в нем поднимается гнев. Мальчишка – ничтожество, он об этом догадывался, но зрелище, которое он видел вот уже двадцать минут, показало ему нечто другое, что было гораздо труднее вынести. До такой степени ничтожеством можно было быть только нарочно. Уолден, когда мяч летел в его сторону, едва поднимал руку. Когда надо было бежать с одной базы на другую, он еле волочил ноги и как будто искал дорогу. Теперь он шел к дому, понурился, таща за собой свою битую, как каторжник ядро.

Ну вот, его очередь. Уолден как будто принял позу, напряг мускулы, сосредоточился, готовый ударить. Баттер не дал себе труда сделать обманное движение и даже разнообразить траектории. Трижды мяч пролетел под носом мальчишки, который едва шевельнулся. Нет, вот ведь, на третьем ударе он все-таки попытал счастья и наобум хлестнул по воздуху. Скорее всего, даже зажмурился. Три мяча, тридцать секунд, и Уолден был удален. К сожалению, остальным он был не нужен, чтобы продолжить партию. Джеку придется ещё изрядно потерпеть.

Чтобы убить время и унять раздражение, Джек рассматривал тех, кто, как и он, ждал у ограды за пределами поля. Родители, в основном мужчины. Некоторые волновались, подбадривали своих чад громкими криками, приветствовали уверенный удар или отбитый твердой рукой мяч. Среди малышей было несколько пацанов, умеющих обращаться с битой. Джек старался не встречаться взглядом с раздувающимися от гордости отцами. Он слишком боялся, как бы его не спросили: «А ваш который?»

«Да вон тот нескладеха, видите, бегаёт, выворачивая ноги, и принимает свою битую за трость».

Он преувеличивал. Уолден вовсе не был нескладехой. Он просто плевать хотел на бейсбол с высокой колокольни. Не больше энтузиазма он выказывал под баскетбольной корзиной или на катке. Уолден не любил спорт, не любил физические усилия. Даже стрельба была ему скучна, хотя стрелял он неплохо, когда хотел. Он предпочитал книги, модели самолетов, пластилин. Еще в прошлом году Джек застал его играющим с пластмассовыми динозаврами. Что ж, пора было Уолдену кое-что понять, и быстро!

Джек задумался с внезапной тревогой, хватит ли его сыну силенок встретить то, что он ему готовил. Сказать по правде, он побаивался узнать ответ. Но он долго над этим думал. В его решении были недостатки, конечно, еще какие недостатки, но было и большое, огромное преимущество: он был уверен, что Уолден выйдет из этого испытания окрепшим. Если все будет хорошо, в конце истории Уолден станет мужчиной.

Ему хватило одного взгляда, чтобы разувериться. Партия закончилась, Уолден направлялся к низкому строению в конце поля. Принять душ, собрать вещи, еще потерянные минуты. Уолден шел один, погруженный в свои мысли, будто и не принадлежал к команде.

– Что ж, – пробормотал Джек, – если ты так любишь одиночество, надеюсь, получишь по полной.

С сумкой на плече, с битой под мышкой, с подвешенной к поясу перчаткой, Уолден еще утирал мокрый лоб под примятыми горячей водой волосами. На губах его играла неуверенная улыбка: отец еще с утра предупредил, что будет ждать его после матча, но он не знал, чему обязан такой честью.

- Доволен собой? – спросил его Джек.
- Нормально.
- В самом деле?
- Мы выиграли. Кажется.
- Мог хотя бы научиться считать. Нам сюда.
- Куда мы едем?
- Сюрприз...

«Шевроле» был припаркован под деревом. Уолден бросил сумку на заднее сиденье и сел рядом с отцом.

- Мы не едем домой?
- Нет.

Уолден задумался и догадался.

- Ты везешь меня на голубятню?

Различные гипотезы пришли ему в голову, и Уолден выбрал наименее неприятную. Пристрастия Джека Стивенсона он знал, их было немного, и его они мало прельщали. Так что лучше уж голубятня, чем тир или два часа в кресле «Лэндмарк Арбор Ист Синема». В прошлом году по его вине отец не смог посмотреть «Бросок кобры-2». Уолдену было всего одиннадцать лет, на два года меньше разрешенного возраста для этой кровавой бани. Джек не рассердился на него так, как сын этого боялся. Он довольно ровно дышал к этому современному бараклу (даже Брюс Уиллис оставлял его равнодушным). Верный «Импале-СС», верный «Ориолс», Стивенсон-отец был верен и старому кино. Он любил Джона Уэйна в стетсоне – короче говоря, вестерны, ковбоев, индейцев и скалистые пейзажи. А больше всего любил треск и дым пороха.

- Нет, не сегодня.
- Не на голубятню?
- Я же сказал, нет.

Мечтать, конечно, не вредно, но вряд ли Джек вез его в библиотеку Еноха Пратта или в парк Силберн Арборетум с его дендрарием и коллекциями естественной истории. Да и вообще он ехал не в сторону города.

- Куда же тогда? Мы едем к кому-то в гости?
- К маме? Нет, не к маме.
- Привыкай не задавать вопросов, Уолден. Скоро некому будет тебе отвечать.
- Почему? Почему ты не хочешь мне отвечать?
- Потому что мне это скоро надоест. У нас впереди несколько часов пути.

Уолден не обладал развитым чувством ориентации, но он достаточно знал родной город, чтобы понять, что «Шевроле» взял курс на север. Несколько часов на север?

- Ты шутишь. Там же Канада.
- Мы остановимся раньше.
- Да, раньше были всякие штаты. Пенсильвания, например. Вермонт. Или...
- Мы не в Нью-Йорк едем?
- Это было бы здорово.
- Нет, гораздо дальше.
- Но мы останемся в Соединенных Штатах?
- Да.
- Сдаюсь.
- Я тебе не загадки загадываю...

Джек прибавил скорость, вжавшись в спинку сиденья. По своему обыкновению, он ехал слишком быстро. Разговор, по крайней мере на данный момент, был окончен.

Уолден попытался посмотреть в окно «Шевроле», но там не было ничего интересного, только потоки машин и серые ленты асфальта. Тогда он достал из кармана кубик Рубика, подвешенный к его ключам. Джек, которого раздражало звяканье, через некоторое время спросил:

– Ты надолго занялся своей фигурой?

Уолден улыбнулся.

– Говорят, есть сорок с лишним миллиардов миллиардов комбинаций.

– Seriously? И ты намерен их все попробовать?

– Придется прожить в сто раз дольше Вселенной после Большого взрыва, – отозвался Уолден. – Чтобы успеть.

Джек задумался. Этот мальчишка мало на что способен, но есть в нем качества, которые его поражают. Вот только эти качества никак не пригодятся ему там, куда они едут. Ни сейчас, ни позже. Впрочем, как знать.

– Постарайся закончить до Большого бабаха, а то у меня уже в ушах звенит.

– Вот. У меня получилось.

– Гениально! Но я все-таки не думал, что Вселенная сдастся так быстро.

Быстрым движением руки Уолден перекрутил разноцветные кубики во все стороны, но не стал начинать новую партию.

– Беда в том, – буркнул он, – что твоя дорога тоже, кажется, тянется на миллиарды миллиардов миль.

– Сейчас остановимся, – сообщил Джек.

Ничего интересного не было видно. Короткая боковая дорожка, площадка для отдыха и желтоватый домик, крытый металлочерепицей, а у дверей – автоматы с напитками, сигаретами, сладостями.

– Валяй, – сказал Джек, – бери все, что понравится. Не жмись. Запасайся сахаром.

Он выгреб из кармана парки горсть мелочи. Стоял, не удаляясь от «Шевроле», и ждал, пока Уолден покончит с покупками: батончики, пакетики, банка оранжада. Он подбадривал его жестами, устремив взгляд на солнце, набухавшее на фоне неба.

– Нам повезло, хорошая погода продержится. Индейское лето, сынок.

Действительно, для середины октября было на диво тепло.

– Где мы, папа?

– Между здесь и там.

– Нет, кроме шуток?

– Ну, я полагаю, что мы уже несколько миль едем по штату Мэн.

Уолден сел на свое место и разрывал упаковку злакового батончика с яблоками.

– А что есть в этом Мэне?

– Насколько я помню, леса, омары, вампиры и ведьмы.

– А там, куда мы едем?

– Надеюсь, ни вампиров, ни ведьм.

– Я не откажусь от омаров, папа.

– Омары ближе к морю. И в Балтиморе, я думаю, омаров хватает.

Они ехали еще около двух часов, и ничто не говорило о близости моря. Внезапно Джек затормозил и припарковался у обочины, на краю дороги поуже. У него что-то было в руке – черная повязка.

– Повернись. Не двигайся, вот так.

– Что ты делаешь? Что за шуточки?

Джек наложил повязку на глаза сына и готовился ее завязать.

– Да ты что?

Джек дал Уолдену тумака, и тот втянул голову в плечи.

Машина снова ехала, и Уолден больше ничего не видел. Ему хотелось поднять руки, хотя бы потрогать повязку, под которой он уже чувствовал слезы, но стоило ему шевельнуться, как отец предупреждающе кашлял.

– Что такого особенного в Мэне? Почему ты не хочешь, чтобы я видел? Что я сделал, папа?

– Кончай хныкать, Уолден, ты мне противен.

– Но почему?

– И прекрати задавать вопросы. Ты не знаешь примерно столько же вещей, сколько комбинаций на этом дурацком кубике.

Уолден сидел тихо пару минут, но потом снова попытал счастья.

– Что, например? Чего я не знаю?

– Ты ничего не знаешь. Будь ты ослом, не знал бы даже, почему тебя зовут Мартином.

Тут Уолден надолго задумался. У него был методичный ум, он любил науки и логику. Для начала он спросил себя, по какой причине ослов называют Мартинами. Потом решил, что отец, наверно, произнес эту фразу случайно. И попытался понять, что она могла для него значить. Может быть, это намек на...

– Папа?

– Ау?

– Почему меня так зовут? Уолден.

С повязкой на глазах Уолден не мог видеть выражения лица отца. Но он услышал знакомый щелчок пальцами, которым Джек Стивенсон обычно выражал удовольствие. И если учесть, что для этого пришлось выпустить руль (по крайней мере, одной рукой)...

– Не делай вид, что ты глупее, чем ты есть, – сказал голос Джека. – Полагаю, ты прекрасно знаешь.

– Это из-за той книжки, да?

– А! Вот видишь...

– Ты мне всегда говорил, что это неинтересно для моего возраста.

– Что ж, наверно, время пришло. Теперь стисни зубы, нас немного потрясет.

«Шевроле-Импала-СС» была еще как новенькая, и мотор работал на совесть, но, несмотря на многочисленные починки, у нее давно захирели амортизаторы и подвеска. Тряска, однако, застигла Уолдена врасплох.

– Эй! Мы едем по полям?

– Соберись, Уолден. Попытайся понять, что ты ощущаешь.

– Ну, ты же сам сказал, трясет. Теперь я могу снять повязку?

– Нет еще. А кроме этого, что тебя потряхивает?

Уолден сдавленно вскрикнул. Он чуть не свалился с сиденья.

– По-моему, стало холоднее, – сказал он. – Мы скоро приедем в Канаду?

– Верное наблюдение, неверный вывод. И про Канаду я тебе уже ответил.

– Уже темно?

Уолден не мог больше терпеть. Его руки готовы были сорвать черную повязку, ничто не могло им помешать. Он должен был это сделать, пусть даже отец обрушит на него громы и молнии.

– Темнеет, но это не то, что ты чувствуешь.

Мальчик ощутил у своего уха характерный звук опускаемого стекла. Его овеял свежий воздух, влажный и душистый. Это было...

– Кажется, мокрая трава.

– Горячо. Внимание!

«Шевроле» тряхнуло. Джек теперь ехал медленно, и Уолден ощущал его усилия на поворотах. Все это смахивало на гонки с препятствиями.

– Папа, меня тошнит.

– Сдержись, Уолден.

Теперь Уолдену казалось, будто он едет через туннель в поезде-призраке. Тяжелую машину мотало вправо-влево, вверх-вниз. Иногда она подскакивала. Все это под непрерывный шум, скрежет, треск. И темнота, жуткая темнота. Уолден долго различал свет, несмотря на повязку. Теперь все было черно.

– Темно, – всхлипнул он. – Ничего не видно.

– Я хотел приехать пораньше, – ответил Джек. – Только этот окаянный матч никак не кончался. При том, как ты там отличился, его могли бы и сократить.

– Папа, пожалуйста.

– Ладно. Сними ее.

Уолден сощурился. Даже без повязки он ничего не видел. Отец катил с погашенными фарами в густом лесу, затененном сумерками; среди высоких деревьев вилась тропа, вся в камнях, сухих ветках и ухабах; там и сям ее пересекали мутные ручьи.

– Мы заблудились?

Уолден понял, что ляпнул глупость. По его понятиям, Джек был похож на голубей, которых он разводил вместе с Ченом, странным молчаливым малым, уверявшим, что он наполовину индеец, наполовину китаец. Джек, думал он, не мог заблудиться, у Джека компас вместо мозга.

– Лес покрывает лишь восемьдесят процентов штата Мэн, – ответил Джек. – Какие проблемы?

– Что мы здесь делаем, папа?

Его голос дрожал, и он злился на себя за это. К счастью, «Импала» прыгала, как горная коза, вернее, как антилопа, которой она была обязана своим именем, и этого было достаточно, чтобы стучать зубами. Только поэтому, и точка.

– Может быть, ты лучше сориентируешься, если включишь фары?

Мотор взревел, они взбирались на холм. Потом начался густой лес белых сосен, верхушки которых терялись словно в чернильной луже. Уолден ежеминутно ждал рокового удара. Он думал о детях из сказок, которых уводят в лесную чащу, чтобы они там заблудились. Джек произнес фразу, смысла которой Уолден не понял:

– Если мы сами заблудимся, что же тогда говорить о других?

Но вскоре отец добавил:

– Все в порядке, у меня есть ориентиры.

– Хотел бы я понять, как ты ухитряешься хоть что-то видеть.

– А вот! – победоносно воскликнул Джек.

Уолден вытаращил глаза. Судя по всему, бесконечный путь закончился. Джек остановил «Шевроле» в конце тропы, загроможденной низкими ветвями. За ними угадывалась поляна, а посреди нее – домик.

– Я ведь обещал тебе трехзвездочный отель, правда? Бери свои вещи.

Джек достал фонарик из заваленного всяким хламом бардачка, потом нагнулся и взял что-то из-под сиденья. Уолден увидел, что это карабин.

Они молча дошли до домика из неотесанных бревен, огромных внизу, поменьше под крышей. Джек обвел приземистое строение лучом фонарика, повернул щеколду и толкнул ногой незапертую дверь. Он отдал фонарик Уолдену.

– Посвети мне и смотри хорошенько. Хотя бы этому ты должен научиться. Это наша база.

Почти четверть площади занимала печь, над очагом которой высился конус из почерневшего дерева. Закопченный котелок висел над кучей золы. Джек поднял крышку огромного ларя, достал поленья и сложил их домиком, медленно, чтобы Уолден смотрел и запоминал. Стойма, прислонив друг к другу. После этого хватило горсти щепочек, комка бумаги и спичек.

– Погаси-ка. Экономь батарейки.

Минуту спустя пламя ярко осветило хижину. Всё в ней было деревянное: вытертый до блеска пол, две табуретки, прибитая к стене столешница, которую можно было откинуть. Больше, в общем-то, ничего.

Джек вышел на улицу. Вскоре он вернулся с бутылкой воды и сумкой, в которой позвякивали какие-то банки. Он надел на голову любимый старый стетсон, свою ковбойскую шляпу. Карабин стоял у стены прикладом вниз.

– Надо открыть заранее, не то взорвется.

Он положил приоткрытую банку в котелок, налив туда на несколько сантиметров воды. Уолден смотрел в изумлении, как он хлопочет. Он по-прежнему прижимал к груди бейсбольную битку и стучал зубами, как будто и не выходил из машины.

Джек рылся в ларе, в котором было несколько отделений. Он нашел что искал – две оловянные ложки.

– Ничего, если мы будем есть прямо из банки, вместе?

Уолден хотел было заверить его, что он не возражает, конечно нет, но не смог сдержать брезгливой гримасы.

– Ладно. Подожди.

Джек вернулся к ларю и нашел на сей раз две миски из березовой коры. Уолден не смотрел на него. Он устался на кровать – задвинутую в угол, слева от печи, почти под единственным окном, а на ней, на досках, – матрас не толще циновки и одеяло. Пожалуй, лучше было бы поесть ложками из банки.

– Ты хочешь спросить, почему мы здесь, правда? И почему не там.

– Где?

– Там!

Стивенсон наклонился поднять свою парку, брошенную на пол у ножек табурета. За едой он не снял стетсон, только сдвинул его назад. В одном из больших карманов парки лежала книга, потертая, потрепанная, заложенная узенькими бумажными ленточками. «Уолден».

– Теперь она называется просто «Уолден», – сказал Джек. – Первое название было «Уолден, или Жизнь в лесах». На мой взгляд, лучше.

Автора звали Генри Дэвид Торо, Уолден все это знал. Торо был кем-то вроде феи, склонившейся над его колыбелью, чтобы нанести знак на чело новорожденного. Кроме того, Торо был философом, умершим полтора века назад.

– Если ты не знаешь, Уолден – это название места. Точнее, озера. Торо облюбовал берег этого озера, построил хижину и прожил там два года. Теперь я объясню тебе, почему мы здесь, на этой поляне, а не там, у озера. Сегодня хижина Торо годится разве что для рекламных буклетов. Туристических, если тебе так больше нравится. Место паломничества, если угодно. Полная противоположность тихому уголку. Жареная картошка, сорбеты, содовая и прочее.

Уолден почувствовал, что надо что-то сказать.

– Его хижина была похожа на эту?

– Он построил ее своими руками. Торо считал, что каждый человек должен уметь построить себе дом. Он думал, что это важнее, чем, например, учиться в университетах. Но он не был ни плотником, ни каменщиком, ни архитектором. Лачуга его была – сплошные щели. Он себе отморозил все места, если хочешь знать мое мнение. Но ему было наплевать. Этот парень мог часами лежать на льду озера и наблюдать воздушные пузырьки. Он был мудрец.

– Понятно.

Уолдену вдруг захотелось пошутить.

– Мы же не останемся здесь на два года, нет?

– Это сделает тебя мужчиной. Давно пора, ты не находишь? Что нужно, чтобы быть мужчиной, сынок?

Уолден знал ответ наизусть. Он отбарабанил его покорным тоном:

– Уметь стрелять, водить машину, танцевать, плавать, поцеловать девушку, выполнить хоум-ран...

– Чему же научился ты?

– Я умею стрелять. И плавать. Не так уж плохо.

Уолден готов был сблефовать. Отец не раз заставлял его болтающим через ограду с Джеммой, соседской дочкой. Откуда ему знать, что он ее не целовал? Но он не решился. С Джека стало бы потребовать описать ощущения. А на это Уолден был неспособен.

– Мне только двенадцать лет, – возразил он, желая, чтобы его голос прозвучал не так жалобно. – Я не имею права водить машину.

– Ты кое-что забыл. Заложить за воротник. Ты не мужчина, пока не заложишь хорошенько за воротник.

– Ты всегда запрещал мне пить.

– Я дам тебе знать. Когда увижу, что ты становишься мужчиной, сам принесу тебе бутылку. Кстати, тебе не двенадцать лет.

– Двенадцать.

– Учись быть точным. Сколько тебе лет?

Уолден закатил глаза, давая понять, что находит эту игру глупой.

– Это моя вина, – признал Джек. – Я первый был неточен. Видишь ли, Торо прожил в той хижине не два года, а два года, два месяца и два дня. Сколько тебе лет?

– Да двенадцать же!

– Двенадцать лет, семь месяцев и три дня. В четверг на будущей неделе тебе будет двенадцать лет, семь месяцев и одиннадцать дней. Поверь мне, это важно. Очень важно.

– Не понимаю, что это меняет.

– Всё. Если бы ты разбирался в бейсболе, то понимал бы такие вещи. Сантиметр вправо или влево иногда меняет все. Но ты интересуешься только своими деревянными макетами и пластмассовыми динозаврами.

– Мои макеты сделаны с точностью до миллиметра, а не сантиметра, – возразил Уолден.

– Двенадцать лет, семь месяцев и одиннадцать дней, Уолден. Запечатлей это в своей голове. Двенадцать лет. Семь месяцев. Одиннадцать дней.

Оба молча погрузили оловянные ложки в миски из коры. Джек поровну разделил содержимое банки, где были перемешаны в томатном соусе бобы и кусочки сосисок. Месиво было еще твердое, едва разогретое на водяной бане. Взгляд Уолдена то и дело возвращался к узкому ложу у бревенчатой стены, за высоким конусом печи.

– Что тебя беспокоит?

– Вдвоем мы тут не поместимся, папа.

– А если потеснимся?

– Все равно...

– Чего же ты хочешь? Потянем жребий?

– Ты еще и храпишь, – буркнул Уолден. – И после бобов...

– Что?

– Ничего.

Джек проглотил кусок холодной сосиски. Он сидел, по своему обыкновению, чуть сторбившись, одно плечо выше другого. Весь свет падал на него, вылеплял ему лицо, а затененные стетсоном глаза порой имели жутковатый вид. Уолден же сидел спиной к огню.

– Зря ты переживаешь. Кровать твоя. Всё здесь твое.

Джек нагнулся и поднял вторую книгу, лежавшую на парке. Уолден не видел, откуда он ее достал. Он с досадой отметил, что автор тот же. Торо. Книга называлась «Леса штата Мэн».

– И сколько времени он был на этот раз? – спросил Уолден.

– Это была экспедиция. Тебе будет полезно, потому что это гораздо ближе к месту, где мы находимся, чем озеро Уолден. Я думаю, что природа здесь осталась дикой. Вокруг нас наверняка есть деревья, которые уже были во времена Торо.

– Думаешь, и динозавры еще есть?

– Вот ты мне это и скажешь. Ты же у нас специалист.

Джек встал, опрокинув табурет. В банке не осталось больше ни бобов, ни сосисок.

– Мне надо еще кое-что взять в машине, – сказал он.

Он сделал две ходки туда и обратно и каждый раз возвращался нагруженный: принес, например, моток веревки, охотничий нож и что-то загадочное, завернутое в тряпицу. Еще он продолжал рыться в ларе, который называл «пещерой Али-Бабы», но там было мало интересного (топор, Библия, посуда...).

– Эге! Рыболовная леска. Вот это отличная находка.

– Мы забыли! – воскликнул Уолден. – Поймать щуку в три фунта.

Уметь стрелять, плавать, танцевать, водить машину, поцеловать девушку... И поймать щуку в три фунта.

– Верррно! – подтвердил Джек, он всегда произносил «верно» с немецким акцентом.

Помимо вестернов Джек Стивенсон любил фильмы, в которых местные парни отплывали в Европу, чтобы задать по первое число нацистам.

– Мы располагаемся надолго? – спросил Уолден.

– Озеро не очень далеко, в полумиле к северу, не больше. И щук там хватает. Всего хватает, когда знаешь, как действовать. Смотри.

Стивенсон набросал план на листке бумаги в клетку. Они прижались друг к другу, рассматривая приблизительные линии, их носы почти соприкасались. Выстроенные домиком поленья рухнули, и по углям пробежали лишь низкие языки пламени, дававшие мало света.

– Вот поляна с хижинкой, а вот озеро. Их тут целая цепь. Озера, пруды, ручьи, речки. Бесконечная череда. А дальше горы. И повсюду лес. Теперь смотри хорошенько на эту черту. Это граница.

– Граница чего?

– Твоя. За нее ты не должен заходить никогда, ни под каким видом. Что бы ни случилось, не пересекай ее. Никогда. Договорились?

Джек провел границу набум, но этого он не сказал.

– А что там такого ужасного по другую сторону?

– По другую сторону? Ну... ничего, я полагаю. Это твоя территория, и ты не должен за нее выходить, вот и все. Не будь ты таким нулем в бейсболе, знал бы, что такое база и когда ты «сейф», невредим то есть.

– Да знаю я.

– Пока ты находишься на своей территории, ты невредим, стало быть, в безопасности. А я хочу, чтобы ты был в безопасности.

Впервые за несколько часов Джек Стивенсон позволил себе расслабиться и сказал тоном почти сентиментальным:

– Все, что я здесь делаю, – это для тебя, чтобы ты был невредим. Надо будет побыть вдали от чужаков, ясно, Уолден? Вот что важно, очень важно.

И Джек, отодвинув миски, опустошил на откинутую столешницу коробку патронов. Он пальцем разделил ее на две кучки, пересчитал.

– Двенадцать тебе, двенадцать мне, по-честному, – сказал он, убирая свои в коробку.

– Мы собираемся кого-то убить, папа? Я шучу.

– Это для охоты.

Уолден наконец понял. Джек решил приобщить его к охоте. Мужское занятие, понятное дело.

– Или убить человека? – хихикнул он.

– Что?

– Я слышал, как ты сказал это однажды. Что ты не мужчина, если кого-то не убил. А ты уже убил кого-нибудь?

Джек вздрогнул.

– Тебе померещилось, или я был пьян. Если еще когда-нибудь услышишь от меня подобную чушь, сделай одолжение, Уолден, напомни мне, что с такими вещами не шутят.

– Как хочешь.

– Карабином пользуйся, только если не можешь этого избежать. Бывают такие случаи, когда избежать этого невозможно.

Джек отошел в сторонку и заглянул в свой телефон. Уолден увидел, как он что-то набирает. У него это всегда скверно получалось, потому что он для этого пытался пользоваться большими пальцами, а они у него были слишком широкие. Отец, наверное, хотел узнать сегодняшний результат «Ориолс». Уолден истолковал его гримасу как неблагоприятный знак. Самому ему было глубоко плевать на балтиморскую команду, иной раз он даже втайне радовался поражению героев города, но знал он и то, что за каждым проигрышем всегда следовал тягостный вечер дома. Когда «Ориолс» получали взбучку, Уолден мог огрести такую же в любой момент.

Словно чудом, когда он думал об «Ориолс», обязанных своим именем оранжево-черной иволге, послышался птичий щебет или скорее воркование (стало быть, ничего общего с певучим свистом иволги). Его взгляд упал на что-то, завернутое в тряпицу и по форме похожее на птичью клетку.

– Да, – сказал Джек, – я еще должен дать тебе указания на этот счет.

Он развернул тряпицу, и Уолден с удовлетворением увидел, что угадал верно. Это была клетка, а в ней голубь.

– Ты помнишь, что мы сделали с Ченом в прошлом месяце?

– Окольцевали?

– Верррно! А можешь мне сказать, чему ты научился?

– Что на кольце должны значиться имя и адрес хозяина.

– Что еще?

– Что хороший турман может пролететь шестьсот миль за день, чтобы вернуться в свою голубятню.

– В любых условиях?

– Нет. Его надо выпустить на открытом месте, в хорошую погоду, чтобы он мог ориентироваться по солнцу.

– А почему он так спешит вернуться?

– Потому что его ждет жена.

Джек расхохотался.

– Повезло ему.

Уже больше двух лет назад Лизбет, мать Уолдена, покинула дом Стивенсонов. Уолден много месяцев не мог изгнать из ночных кошмаров крики Джека в соседней комнате во время жестоких ссор, предшествовавших разрыву. Лизбет, насколько он знал, жила теперь с каким-то перуанским дипломатом.

– Ты сможешь это сделать, мой мальчик? Сможешь выпустить голубя в правильных условиях?

– Думаю, да.

– Но главное – письмо, не так ли?

Джек положил на стол конвертик из папиросной бумаги.

– Чен показывал тебе, как надо делать?

– Он говорил, что коломбограмму лучше всего прикреплять или под крыло, или под хвост. Так лучше, чем на лапку.

– Ты помнишь слово, это хорошо. Ты вообще любишь слова, Уолден. Но помни еще, что коломбограмма – не роман. И этот голубь – в каком-то смысле ружье с одним патроном. Иначе говоря, письмо должно быть коротким, и голубя следует выпускать только в случае необходимости. Крайней необходимости.

– Я думал, это чтобы выигрывать соревнования.

– Забудь о соревнованиях. Мы говорим не о голубятниках, а о твоём положении.

Уолден кивнул и, подумав, спросил:

– Что же у меня за положение, папа?

– Ну, скажем, положение человека, у которого в случае крайней необходимости есть под рукой только один голубь. Если ты выпустишь нашего вестника, Чен получит твоё письмо через несколько часов.

Уолден окинул взглядом бревенчатую хижину в поисках чего-то, что могло от него ускользнуть. Дрожащим голосом он спросил:

– Ты хочешь сказать, что я могу заблудиться? Заблудиться в лесу? Давай лучше поохотимся вместе, папа.

– Не требуй слишком многого от этого голубя. Если ты заблудишься в лесу, он за тобой не прилетит.

В хижине уже почти совсем стемнело, и легко было представить себе блуждания в темном лесу. Джек достал из ларя лампу и бутылку керосина, победоносно подняв их вверх – на самом деле он приберегал эту находку.

– Везет тебе. Будешь при свете. Ты же до смерти боишься темноты.

Джек говорил короткими фразами, отделяя их друг от друга, как будто каждая содержала важнейшую информацию.

– Придется экономить. Тут не хватит освещать Вегас веками.

Стивенсон снова посмотрел в свой телефон и сказал до жути нейтральным тоном:

– Теперь я тебя оставляю. Надеюсь, ты справишься как большой.

– Оставишь меня? Что значит – оставишь?

– У меня есть дела.

– Как это? Какие дела? Надолго?

На секунду Уолден уловил смятение отца.

– Пока ты не станешь мужчиной. Как только, так сразу, позвонишь мне, и я мигом прибегу.

– У меня нет телефона.

– Как? Куда ты его дел?

Джек это отлично знал. Скромную «Нокию» у Уолдена украли в прошлом году. Вернее сказать, отобрали. Отобрал подонок с гнилыми зубами и синим гребнем на макушке. Выбрав сына хорошенько, отец ударил его только один раз, но это наверняка был самый сильный удар, когда-либо полученный Уолденом Стивенсоном от Джека Стивенсона. К несчастью, это вдобавок произошло сразу после памятного разгрома «Ориолс» в игре с «Л. А. Энджелс» (11-2). В тот вечер, наконец успокоившись, Джек объяснил ему, что оранжево-черная птичка, талисман команды, – самец. Самка – поменьше, и у нее нет черного капюшона.

«У тебя тоже, – сказал он, – нет черного капюшона, и, ей-богу, боюсь, что после ухода на покой Кэла Рипкена наша команда стала бабьим царством».

– Здесь все равно нет сети. Далеко от всего, для всего недосыгаемо.

– Я готов спать с тобой в одной кровати, папа. Мы потеснимся. Ничего страшного. Или даже на полу. Мне все равно.

Но Джек раскинул руки. Он не поцеловал сына, только крепко обнял его и легонько хлопнул по щеке. За всю свою жизнь Уолден мог припомнить такое выражение чувств только однажды, когда в восемь лет он уезжал с классом на пять дней в учебный поход в Аппалачи.

– Ты меня разыгрываешь, – всхлипнул он.

– Тебе здесь будет хорошо. Не забывай: пока ты на базе, ты невредим. Никто до тебя не доберется. Никто.

Джек произнес последние слова странным голосом. Иногда Уолдену думалось, не считает ли отец бейсбол настоящей жизнью, а все остальное пустячной игрой с мутными правилами (нормальные люди, такие как Уолден, полагали бейсбол абсурдной игрой, тонкостей которой никогда никому не удалось постичь).

Уолден снова окинул взглядом хижину. Он увидел голубя, узкую кровать, черный котелок, пустую консервную банку, папиросную бумажку на столе, «ремингтон», по-прежнему прислоненный к бревенчатой стене (возможно ли, что отец оставит его одного с карабином?).

– В полу полно дырочек, – сказал он.

– Ты найдешь ответ у Али-Бабы, справа, среди посуды.

Джек остановился у двери. Прежде чем выйти, он показал сыну, как запирается щеколда. Но Уолден, несмотря на нахлынувший ужас (потемки, лес, дикие звери, одиночество), не кинулся запирать дверь. Он все еще думал, что отец играет с ним дурную шутку или, скорее, решил преподать ему урок. Он даже пожалел, что не нанес ни одного точного удара – так далеко, так давно, только сегодня утром, – что хотя бы не попытался. В конце концов, он бы мог. Любой дурак смог бы. Ведь большинство игроков в бейсбол – полнейшие дураки.

Чтобы прогнать из ушей долетавшие до него чудовищные звуки – хлопнувшая дверца, заработавший мотор вишнево-красной «Импалы-СС», – он опустил обе руки в ларь и нашарил то, что Али-Баба положил среди посуды. Это были сапоги. Уолден взял их, прикинул на свои ноги, увидел, что они велики на несколько размеров, перевернул их и обнаружил в подметках гвоздики, они торчали словно шипы. Догадавшись, что до него в хижине жили люди, обутые в такие сапоги и наделавшие в полу множество дырочек, он счел, что одолел первое из испытаний, которым решил его подвергнуть отец. Он вознаградил себя, помпезно назвав свою победу «Загадка дырявого пола (разгаданная Уолденом)».

Двенадцать лет, семь месяцев и четыре дня

Следующие минуты Уолден провел, сидя на табурете. Он прислушивался во все уши, но остерегался взглянуть на дверь. Дверь вот-вот откроется, отец вернется, войдет с веселым смехом, иначе быть не может. Но что поделаешь, некоторые вещи не происходят, когда их ждешь. Вы можете всю жизнь простоять над кастрюлькой и не увидите, как закипит вода, тем более молоко. С другой стороны, вы можете быть уверены, что, стоит вам отвернуться, молоко тотчас выкипит и погасит огонь (с водой хотя бы это не грозит). Так что Уолден знал, что, всматриваясь он в дверь, прояви слабость и взмолился, чтобы она открылась, – она останется закрытой целую вечность, если, конечно, у него хватит терпения созерцать ее так долго. Зато если он притворится, будто не обращает на нее никакого внимания, – то, на что он так надеялся, непременно произойдет, и именно тогда, когда он меньше всего будет этого ждать, когда наконец сможет подумать о чем-то другом.

Вот что было самое трудное – подумать о другом. Да и уши его никак не желали закрываться. То, что отказывались видеть глаза, уши отчаянно искали в жуткой тишине хижины. На самом деле тишина не была полной. Деревяшки, которые огонь еще не превратил в золу, издавали время от времени треск или короткое шипение сока. Бревенчатые стены хижины тоже, казалось, жили собственной жизнью, и Уолден порой как будто слышал их вздохи. Были ли это довольные вздохи, потому что эти бревна не горели в печи, или испуганные, потому что

они боялись там кончить, как их собратья, сложенные в сундуке Али-Бабы? Уолден не знал. Наконец, звуки непонятого происхождения долетали снаружи. Уолдену хотелось бы думать, что это были шаги пары рейнджеров по ковру из веток и опавшей листвы. Но даже когда он начинал в это верить, к двери он не поворачивался.

В хижине мало-помалу темнело. Уолден встал с табурета, словно вдруг разбуженный от полусна. Он кое-что услышал – воркование голубя. Птица тоже кого-то звала. Голуби всегда влюблены. Вот почему всем известно, что они полетят прямо домой, если отпустить их в небесную высь.

Керосина было мало, но ничто не мешало ему черпать из запаса дров. Целый лес был в его распоряжении. Восемьдесят процентов штата Мэн, сказал отец. Хватит наполнить ларь или пещеру Али-Бабы, размеры которой трудно было себе представить. Уолден любил счет и большие цифры. Куда меньше ему нравилась перспектива остаться одному в этом лесу с топором. Построить новый домик нечего и пытаться. Он положил два больших полена крест-накрест на тлеющие угли, и вскоре вновь вспыхнуло пламя. С ним вернулся и свет.

Огонь составил ему компанию, но чем-то нарушал ощущения. Что-то исчезло, что-то, что постепенно вкралось в хижину, но он заметил это, только когда оно рассеялось. Свет из окна. Другой источник света. Окно. Теперь за его стеклами ничего не было видно, даже смутного свечения ночи в лесу: оно отражало призрачные красно-черные отсветы огня.

Окно, решил Уолден, это другое дело. Всмотриваться: вдруг вернется отец – наружу сквозь четыре грязных стеклышка, прильнуть к стеклам ухом, пытаюсь расслышать урчание мотора на медленном ходу или негромкий кашель, который он издавал, останавливаясь, а еще лучше скрежет шин на тропе, усеянной сосновыми иглами и сухими ветками... да, это он мог себе позволить. Отец же не вернется через окно, правда?

Окно было не только грязное, оно оказалось обитаемо. Туча букашек лепилась к нему: мухи, мотыльки, но больше всего комаров и мошки, известных кровососов. Он был *невредим*, находился по нужную сторону четырех квадратиков стекла, но это чувство успокоило его ненадолго. Этот бревенчатый домик был не крепче хижины Торо, он это знал. По комнате гуляли неприятные сквозняки. Он видел снаружи щели, заткнутые мхом, который наверняка высох и скукожился. Если эти холодные дуновения проникали в хижину, то и комары скоро найдут дорогу. И хуже того – мошка: она с виду такая же, но, говорят, более злая. Уолден не помнил, откуда он взял эти сведения, но он знал, что целые стада погибали от укусов этой пакости, стада *быков*. Она переносит страшные болезни. Чуть раньше, заглянув в книгу, он отметил, что Генри Дэвид Торо умер совсем молодым, в сорок пять лет. Возможно, к этой ранней смерти имели отношение два года в лесах (два года, два месяца и два дня) и мошка.

Впрочем, если отец вернется, он приедет не этой дорогой. Окно выходило не на ту тропу, что привела их к поляне. Из него открывалось лишь нечто, похожее на ничто. Ночной лес представлял плотной массой, в которой Уолден видел бездну тьмы, увенчанной где-то очень высоко облаками, пропитанными слабеньким светом невидимой луны, словно ночник горел в темной комнате.

Он стоял так бесконечно долго, повернувшись спиной к двери, но все еще ожидая, хоть и не признаваясь себе в этом, ее слабого скрипа. От каждого треска пламени в очаге, от каждого стона досок под ногами у него подпрыгивало сердце. Потом снова что-то неуловимо изменилось. Это касалось не хижины, но его самого. Он теперь иначе воспринимал звуки. Треск и скрипы больше не пробуждали в нем ни малейшей надежды. Наоборот, они разжигали его страхи. Они возвещали не приход отца, нет, что-то другое, он сам толком не знал что. Присутствие, которого он не хотел.

Потому что, когда в лесной чаще появляется кто-то, это, как правило, не ваш отец.

Теперь Уолдену еще страшнее было обернуться. Он прижимался к окну, нос к носу – к хоботку? – с комарами и мошкой. Он всматривался в ничто за пеленой трепещущих крылышек. Случалось, однако, что он различал слабый свет и даже тень среди теней. Он отмахнулся от мысли, что это, может быть, отец посмеивался под деревьями над сыгранной с ним славной шуткой. Джек Стивенсон все же не до такой степени спятил. Прижавшись лбом к стеклу, Уолден ощущал ночную прохладу. Она поднималась от гнилой лесной почвы, от папоротников, от ковра опавшей листвы и лужиц, где кишели личинки кусачих и кровососущих насекомых, от тяжелой сырости. Надо и вправду быть больным на всю голову, чтобы заставить его провести ночь в этом враждебном лесу только ради удовольствия дурного розыгрыша.

Это соображение обрушилось на него как удар молота. Очевидность подкосила ноги. Уолден доковылял до койки и рухнул на нее – она оказалась в точности такой неудобной, как он и предполагал. Отец не вернется, думал он. Его не могло быть здесь, в этом сыром и враждебном лесу, а значит, он не вернется. И если есть снаружи кто-то или что-то, это точно не он.

Высокий конус печи из почерневшего дерева согрел ему ноги, это была первая отрадная новость за день. Накатывал сон, и Уолден пришел в ужас, настолько немислимым ему казалось уснуть в этом месте, не зная, где он и почему здесь оказался. Особенно сильный треск пламени заставил его вскочить с кровати. Наверно, он все же задремал на секунду-другую. Во всяком случае, ему показалось, что он внезапно проснулся в театре теней, узнать окружающее он был не в состоянии, да так, что голова у него пошла кругом. Он кинулся к противоположной стене и схватил карабин. Прислонил его к бревнам рядом с собой и снова лег. Это был «ремингтон-700», стреляющий пулями калибра 243 «винчестер». У отца их было два одинаковых, и второй он оставил себе. Да, насколько он понял, Джек покинул дом с двумя «ремингтонами». Один мне, другой тебе. Уолден ума не мог приложить, почему он это сделал. Ведь ясно, речь шла не об охоте.

Он снова поднялся, чтобы взять две книги Торо, полагая, что скучное чтение успокоит его и даст уснуть более-менее безмятежным сном (хотя перспектива погрузиться в небытие продолжала его ужасать). Он не разочаровался. Начал, само собой разумеется, с той, что называлась «Уолден». Первый абзац он одолел. Затем следовала длинная и непонятная фраза. Тогда Уолден просто полистал книгу, посмотрел на портрет автора на первой полосе (он был очень некрасивый, наверно, потому и решил прятаться в лесу). Торо писал только о себе, о своем унылом существовании в дикой природе. Он мог посвятить целую главу лесным звукам, или озерам, или – хотите верить, хотите нет – возделыванию грядки фасоли. Фасоли, которую он даже не ел. Торо продавал ее на рынке, и это, кстати, доказывает, что жил он не совсем одиночкой. От этой тяжелой работы в течение года он получил смехотворную прибыль в \$ 8 71½ пенса (он писал об этом во всех подробностях). Судя по всему, знаменитый мыслитель разделял с не столь знаменитым Джеком Стивенсоном страсть к точным цифрам!

Уолден наконец уснул с книгой под мышкой. В его снах юный Уолден был на базе с бейсбольной битой в руке и не делал ни малейшего движения, когда баттер посылал мяч в сторону кетчера (вот и доказательство, что сны иногда говорят чистую правду). Продолжение последовало более значимое, это было словно откровение. Во сне Уолден понял, что здесь наверняка разыгрывается его жизнь. Что ему хватило бы движения руки, одного точного удара, чтобы этот сон, обернувшийся кошмаром, не сбылся. Не попытавшись отбить этот мяч, он совершил роковую ошибку. И теперь расплачивался.

Когда он открыл глаза, в голову само собой пришло выражение, которое он слышал иногда от отца: «Между собакой и волком». Он заерзал, выпростал ногу из-под одеяла, под которым спал одетым, – только ботинки стояли на полу, но он не помнил, как их снял. Потом, собравшись с мыслями, он поправился: «Между волком и собакой». Это был не поздний вечер,

а конец ночи, не сумерки, но рассвет. Такое, во всяком случае, впечатление производил серый свет, сочившийся в окно.

Огонь в печи погас, и неприятно похолодало. Сырой лесной воздух и без того уже проник в хижину. Уолдену хотелось вернуть себе ногу, которая, казалось ему, ушла гулять по собственному разумению, и спрятать ее под тонкое одеяло, в мягкое тепло, выделенное его спящим телом. Он проклял окно без занавесок. Ему еще не хватило сна и сновидений, хороших или дурных.

Увы, все в нем уже проснулось. Не только зрение, слух, мысли (нет ничего лучше страха, чтобы активировать нейроны): мочевого пузыря, казалось, увеличивался с каждой секундой.

Надо было встать. Как последний балда, он поискал глазами то, что его маленькая соседка Джемма стыдливо называла «одно местечко». Отец иногда говорил «уборная», иногда – «сортир». Впрочем, как ни назови, в бревенчатой хижине удобств не было предусмотрено. Не зря воспитанные люди говорят «отхожее место» – чтобы облегчиться, Уолдену придется отойти от дома и встретиться лицом к лицу с лесом.

Вот и дожили. Испытание дня номер один: справить нужду как охотники, лесорубы, лесные люди, дикари. Спустить штаны на лоне природы. Разумеется, априори наблюдать за ним было некому, но трудно представить себя в более уязвимой позе, чем со спущенными штанами. Уолден понятия не имел, что ждет его за дверью.

Он мог бы и догадаться: его ждут сырость, влага, запахи мокрой травы, гниющего дерева, порыжевших сосновых игл. Поляна была окружена высокими деревьями. Уолден не стал отходить далеко. Кто сказал, что надо обязательно мочиться на что-то? Ему не нужны были ни ствол, ни куст. Однако у самой хижины он все же не остался, как если бы прочел на двери просьбу оставить место таким же чистым, как было. Шутка, на его взгляд, слишком затянулась. Не успев оголиться, он услышал гудение и жужжание. Две секунды, не больше – и комар сел ему на коленку. А может быть, это была мошка. В мутном свете он их не различал. Да, было семь часов утра, и день обещал быть хмурым. Вот тебе и индейское лето!

Уолден мочился, сидя на корточках, как девчонка. Ему претило показаться во всей красе лесным жителям. Взмах руки – и широкое алое пятно расплылось на коже. Это был, подумалось ему, первый точный удар за всю его жалкую карьеру. Но с насекомыми он не разделался. Вернувшись в хижину, он уловил характерный звук маленьких крылышек. Убежище слишком долго пустовало. Водворение большого куска мяса, полного крови, не прошло незамеченным. Кровососущие подстерегали его, облизываясь за стеклом целую ночь. Ему достаточно было приоткрыть дверь. Теперь первые гости не преминут позвать друзей и подруг.

Нет, поправился Уолден, только подруг. Если он правильно помнил, у этого отродья кровь сосут только самки.

Теперь он проголодался.

Инспекция оказалась короткой. Отец себя не обременял. В сумке лежало полдюжины консервных банок, тех же, что громоздились дома на кухонных полках за твердыми от жира занавесками. Сосиски с фасолью, равиоли, ветчина в желе, в общем, всё то же. Уолден ел их пять раз в неделю, с тех пор как ушла мать. Был еще пластиковый мешочек с зерном – для голубя. Эта деталь повергла его в глубокое уныние. Если отец запасся кормом для птицы, значит, он действительно собирался оставить его здесь одного на какое-то время.

Зерна было на несколько недель, с возмущением констатировал он. А еды для него – разве чтобы не умереть с голоду три или четыре дня. Но это, наверно, и было испытание номер два. Научиться выживать своими силами.

Первым делом надо было разжечь огонь. Зола еще не остыла. Уолден попытался сложить дрова домиком, но быстро махнул рукой: это задача для специалиста. Он положил одно полено на бумажный ком и приуныл, обнаружив, что в большом спичечном коробке мало что оста-

лось. Начал считать, бросил. Иногда точных цифр лучше не знать. Через несколько минут он совсем расстроился, израсходовав три спички, тогда как в коробке их оставалось не больше двух десятков.

Уолден ненадолго задумался и начал все сначала. Он, может быть, не обладал практическим умом, но руки у него были ловкие. Они сами работали за него, без участия мозга. Он дал им порыться в ларе, наломать веточек, отодвинуть полено и сделать наконец то, что нужно, чтобы зажечь огонек, вскоре ставший большим огнем. Мозг его в это время работал сам по себе. Когда высокое пламя начало лизать подвешенный котелок, он уже знал, что ему незамедлительно надо хотя бы недалеко прогуляться в лес, чтобы набрать хвороста и сосновых иголок.

Он вскрыл банку с равиоли и погрузил ее в десять сантиметров воды, плескавшейся на дне котелка. Съел он только треть и один из последних злаковых батончиков. Всё теперь надо было просчитывать, и он прикинул, что, экономя, но не голодая, сможет продержаться пять дней. Но, разумеется, на целых пять дней отец не оставит его гнить в этой дыре.

Теперь ему хотелось пить.

Дело усложнялось. В бутылке оставалось немного воды «Кристал Спрингс», на день хватит. Но уже завтра ему придется искать другой источник питьевой воды. А Уолдену совершенно не хотелось идти к озеру. И пить озерную воду тоже. Кстати, подумалось ему, если отхожее место нашлось (за дверью хижины, пять метров влево), будет гораздо труднее отыскать ванную. Это могло быть только озеро. Итак, сортир – лес, а ванная (и бар заодно) – озеро. Скажи ему это кто-нибудь раньше, он бы расхохотался. Но сейчас – ничуть не бывало. Даже не улыбнулся.

Еще не было девяти утра, а Уолден уже заскучал. Он посмотрел на книги Генри Дэвида Торо и решил оставить их на потом, на вечер, если ему придется провести вторую ночь в хижине. Было еще рано, чтобы принимать снотворное – читать такое: «Тем временем моя фасоль, ряды которой все вместе составляли длину в семь миль, уже возделанных...» Он сел на табурет, опершись головой на руку, и задумался.

В двадцать минут десятого он решил, что всё понял. Так или иначе, отец наблюдал за ним. Если он не спрятался в лесу (может быть, даже далеко, с биноклем), то оставил где-то включенную мини-камеру. Уолден, не удержавшись, обследовал углы хижины, особенно под самым потолком, под скатом крыши. Он показал им язык, туда, сюда, наобум. Чтобы Джек Стивенсон знал – где бы он ни был, наверно, перед монитором компьютера – что с Уолденом все хорошо, что Уолден не портит себе кровь, что Уолден, может быть, и не мужчина, но уже не ребенок.

Шел дождь. Вот что дало ему терпеливое наблюдение. Поначалу, правда, от этого было ни жарко ни холодно. Но вот подо лбом вспыхнула искорка. Уолден кинулся к вчерашней пустой банке из-под бобов с сосисками и вышел на улицу. Как он и надеялся, дождь стекал с кровли и с разных мест крыши и брызгал веселыми струйками, колеблемыми ветром. Он наполнил банку, сполоснул ее несколько раз, потом, решив, что вода достаточно чистая, отпил несколько глотков.

– Вот видишь, папа, и не надо идти к озеру!

Он ухмыльнулся и, почесав висок, воскликнул:

– Я могу даже наполнить котелок, вскипятить его на высоком огне и принять горячую ванну.

Уолден надеялся, что отец это слышит.

Конечно, этого недостаточно. Подставить емкость под водосток – это, может быть, и умно, но еще не делает вас мужчиной. Коль скоро он был на улице и уже промок, он решил, что будет разумно заодно запастись и хворостом.

– Это в двух шагах! – вслух сказал он.

Где микрофон и камера, он не знал – и не был да и не мог быть уверен в их наличии, – но вел себя так, будто они принадлежали к окружающей среде. Он больше не чувствовал себя таким ужасно одиноким, и это было несказанным облегчением. Этот новый расклад представлял не одни лишь преимущества. Когда ты один и никто тебя не видит, можно кое-что себе позволить.

– Извини за давешнее, – сказал он, когда неприятная мысль вдруг пришла ему в голову. А про себя подумал: в следующий раз я сниму штаны за кустом.

Он прошел метров десять и повернул назад, решив сходить за карабином, сам не зная, для себя ли – потому что страшно, – или для отца – показать ему, что он принимает меры. Зарядил он оружие без труда, не зря же проводил долгие часы в тире в обществе Джона Уэйна, более известного под именем Джека Стивенсона, – то есть нет, на самом деле куда менее известного.

Уолден не замедлил убедиться, что собирать хворост, имея на плече «ремингтон-700» длиной в метр и весом больше трех кило, не очень удобно. Но не сказать, чтобы он пожалел, что нагрузился этой ношей. Минуту или две он шел по тропе, по которой вчера вечером «Шевроле» прибыл в пункт назначения. Примечательная шириной своих шин, тяжелая «Импала» вырыла в мягкой земле тропы глубокие колеи, еще не стертые дождем. Уолден нагнулся над этими отпечатками и долго всматривался в них с неизъяснимой тоской в сердце.

По обе стороны от тропы простирался лес. Капля зелени в лесном океане Мэна. Около восьми миллионов гектаров, сказал ему отец. Он не уточнил, сколько это деревьев. Вокруг него вздымались высокие стволы, наклоненные в разные стороны, под которыми подрастали молоденькие деревца, похожие на швабры, колючий кустарник, широленные папоротники, переплетенные ветви ежевики. Уолден ни за что не хотел бы знать, что кроется там.

Он предпочел бы держать карабин под мышкой. Но пришлось положить его у ног, пока он наполнял сосновыми иглами пластиковый пакет, а потом собирал ветки и прутья. Лес казался неисчерпаемым, но не давал себя легко обобрать. Дрова и хворост он не преподносил в подарок. С «ремингтоном» на плече Уолден принес в хижину охапку, растеряв половину по дороге. Собранный хворост он положил у печи, чтобы подсох.

Еще не было полудня, а Уолден снова проголодался. Он съел вторую треть банки равиоли. Потом покормил голубя. Глядя, как птица клюет зерно, Уолден задумался, какое же послание он сможет отправить с ней Чену. Он рассмотрел план, который дал ему отец, и не нашел в нем ничего по-настоящему полезного. Ни названий мест, ни другой информации, позволяющей сориентироваться и определить свое местоположение. Ничего. Только бесполезная, невнятная роза ветров. Озеро находилось в общих чертах к северо-востоку. Ну и ладно.

«SOS, приезжайте за мной. Я где-то. Найти? Это очень просто: вокруг меня всего лишь восемь миллионов гектаров леса».

Грозная очевидность не давала ему покоя. Если бы отец хотел, чтобы он мог сориентироваться, то не завязал бы ему глаза. Джек Стивенсон нарочно запутал сына. Он оставил его на поляне посреди самого большого в Соединенных Штатах леса, чтобы Уолден не мог выбраться своими силами. Он оставил его в обществе голубя, который, конечно, мог найти дорогу домой, но с которым нельзя было послать никакого письма, позволяющего определить его местоположение. Жуткое видение предстало перед его глазами. В один прекрасный день дверь бревенчатой хижины откроет какой-нибудь охотник (или лесоруб, или индеец?) и найдет скелет. Может быть, еще в клочьях одежды. Может быть, на костях еще останется немного высохшей кожи, а то и плоти, кишашей червями. Пришелец с удивлением обнаружит, что это ребенок. Потом взгляд его упадет на книги, и он воскликнет:

– Удивительное дело: ребенок читал Генри Дэвида Торо!

Да, такова была мрачная истина. Если Уолден не хочет сойти с ума, свихнуться от злости и страха, если не хочет разреваться, а то и еще чего похуже, у него есть только один выход: взять одну из двух книг философа и читать...

– Как печально, – скажет охотник. – Оставить ребенка с книгами Торо.

Но может быть, это будет скорее лесоруб. А лесорубы, само собой разумеется, не читают философских книг. Имя Торо им незнакомо, и они прекрасно себя чувствуют.

– Когда я прекратил счет, – скажет лесоруб, – я насчитал четыреста двадцать миллионов триста тридцать четыре тысячи шестьсот восемь деревьев. На мой век хватит.

Индеец же – если это будет индеец – заинтересуется печью.

– Он умер, – скажет он, – потому что не сумел сложить поленья вигвамом.

Глаза Уолдена закрылись сами собой, хотя до вечера было еще далеко. Ему показалось, что он проснулся как от толчка. Голос, который он хотел услышать, был голосом отца. Уолден обратился к темным углам хижины, к теням под крышей.

– Пожалуйста, папа, приходи, забери меня.

Он знал, что не должен говорить таким жалобным тоном. Выступая в свою защиту, он постарался взять себя в руки и, выбрав цель (наверху слева, напротив печи), смотрел прямо в глаза тому, кто за ним наблюдал.

– Ты видишь, я справляюсь. Но продолжать бессмысленно. Знаешь, я подумал: наверно, я пойду изучать медицину, когда вырасту. Здесь я ничему интересному для себя не научусь. На будущее, понимаешь? Я хочу быть полезным. Врач – хорошая профессия, правда? Они хотя бы помогают людям. Ты же не хочешь, чтобы я стал лесорубом или лесным жителем? Почему бы не индейцем, если на то пошло?

Уолден прыснул. Ему стало смешно, и он сам этому удивился – настолько это не вязалось с его настроением. Воодушевившись, он продолжал:

– На самом деле, чтобы быть мужчиной, совсем не обязательно иметь большие мускулы, чтобы валить деревья, не обязательно стрелять из карабина в стетсоне на голове, я уж не говорю про хоум-ран в бейсболе. А насчет девушек – у меня еще есть время, правда же?

Он соорудил лукавую гримаску в невидимую камеру.

– Я вообще-то не имею ничего против. Надо только найти такую, которая бы мне понравилась. Джемма, например, славная, но, если честно, у нее зад кобылы. Будь я ее доктором, посоветовал бы ей завязать с батончиками «Марс».

Как ни всматривался он в темный угол, не появилось никакого знака, даже отсвета. И все же ему явственно показалось, что он слышит голос отца. Увы, как говорили по телевизору, это была не прямая трансляция – скорее разогретое блюдо. Вчерашняя фраза зазвучала у него в ушах.

«Все равно здесь нет сети, – сказал Джек Стивенсон. – Далек от всего, для всего недосягаемо».

– Да уж, – удрученно вздохнул Уолден.

Отец за ним не наблюдал, не слышал его. Нет сети. Далек от всего. Он был отрезан от мира.

Уолден сделал последнюю попытку убедить себя, что отец, несмотря ни на что, мог его снимать с намерением позже посмотреть запись, но нет, мысль о скрытой камере и спрятанном микрофоне казалась теперь смешной.

Он был один, с двумя книгами, скучными, как дождь, который всё шел за окном.

Уолден сыграл двенадцать партий в кубик Рубика, доел банку равиоли, подбросил дров в огонь, подремал, побродил кругами по хижине. Часы шли, за окном темнело.

До того как наступила кромешная ночь, Уолден взял охотничий нож, наточенный, с заостренным кончиком, и выбрал полено с корой. Он думал о том, что делали заключенные в своих камерах. Иногда они вырезали свое имя. Иногда царапали на стене дату или просто ставили палочку. Одна палочка – один день. Или месяц. Или год.

Ему не надо было направлять свою руку. Острием ножа она сама выцарапала на коре:

12 л 7 м 4 д.

Двенадцать лет, семь месяцев и пять дней

День обещал быть не ласковее предыдущего. Дождь, кажется, перестал, но небо нависало свинцовое, а просачивающийся в хижину воздух говорил о том, что лес далеко не просох. Уолден с удовлетворением обнаружил на чугунном дне печи угли, которые только и просили проснуться хорошим огнем. В таком темпе, однако, запаса дров не могло хватить надолго. Послушай Уолден доводов рассудка, он не замедлил бы выйти в лес с топором. Но это значило бы признать, что он здесь надолго, чего ему совсем не хотелось.

Он съел банку ветчины в желе.

Вчера Уолден понял, что отец оставил его в таком месте, определить которое невозможно (поездка с завязанными глазами, план без точных указаний). Сегодня ему открылась другая очевидность, более радостная. Джек оставил ему припасов, чтобы выжить до его возвращения, ни больше ни меньше. У него оставалось три банки консервов. Теперь он задавался единственным вопросом: отец рассчитывал одну или две банки на день? У Уолдена был хороший аппетит. Джек говорил ему порой, что никогда не видел, чтобы обжора так медленно рос. Так что ему было трудно отказаться от решения, отвечавшего его желаниям, равно как и его желудку. Он очень хотел верить, что отец вернется вдвое скорее, если он вдвое быстрее всё съест.

Оставив пока в стороне эту тему, Уолден решил обратиться к тому, что мистер Флеминг, его учитель литературы, называл духовной пищей. В голову ему закралась мысль, нелепая и почти комичная. А что, если Джек строил свой подсчет не на консервах, а скорее на книгах? Что, если он хотел дать ему ровно столько времени, сколько требуется двенадцатилетнему ребенку, чтобы проглотить несколько сотен страниц смертельной скуки? Гипотеза выглядела глупой. Но он все же постарался выказать хотя бы минимум доброй воли. Каждая строчка «Уолдена, или Жизни в лесах» до сих пор была скучна донельзя, поэтому он взял другой томик и уселся на табурет у огня.

«Леса штата Мэн». Какое заманчивое название, в самом деле! Оно напомнило ему туристические брошюры, которые можно было найти по случаю на столиках в отелях или в библиотеке Еноха Пратта. «Штат Мэн от А до Z», «Природа и дикая жизнь», «Озера нашего региона» и всё в таком роде.

Чтение показалось ему не намного интереснее «Уолдена», но, по крайней мере, автор шевелился, рассказывая о некоем приключении, а не о таких захватывающих событиях, как постройка жалкой хижины и возделывание грядки фасоли. Писал он о животных и деревьях в большом лесу, что вносило приятное разнообразие. Увы, его вкус к нескончаемым описаниям все равно делал рассказ неудобочитаемым.

– Ага! – вдруг вскрикнул Уолден.

Он только что сделал открытие. Сапоги! Эти сапоги, дырявившие старый пол хижины. Что ж, теперь он знал их секрет. Они служили лесорубам, сплавающим огромные плоты по рекам Мэна. Гвоздики на подошвах позволяли цепляться за бревна, так можно было удержаться и на быстрине, точно ковбои на родео.

– Ну и что, – вздохнул он, – мне-то какое дело?

Между страниц торчал клочок бумаги. Это была вырезка из газеты «Портленд Пресс Геральд». Статья, посвященная некому Кристоферу Найту. Уже на третьей строчке Уолден почувствовал, как холодный пот потек у него между лопаток. Этот человек, этот Найт, которого нашла и арестовала полиция, провел один, прячась, без всякой связи с себе подобными, двадцать семь последних лет. Он жил не в хижине, а в палатке, ходил по камням и корням, чтобы не оставлять следов, а зимой вообще не выходил, чтобы не наследить на снегу. И чему, вы думаете, он посвящал свои одинокие дни, закутавшись в несколько спальных мешков под камуфляжной палаткой? Он читал! Ему, впрочем, нечего было вменить в вину, он только украд

несколько книг и немного еды. Одна деталь особенно поразила Уолдена. В статье говорилось, что Кристофер Найт толстел летом, когда мог питаться дарами леса, и страшно худел в холодное время года, когда зимовал в своей норе, точно сурок или еж, кормясь только духовной пищей. Все это, разумеется, происходило в лесах штата Мэн.

Уолден посмотрел на два тома Торо с отвращением. Бесспорно, существовала связь между тем, что он понял в философии великого человека, и историей этого бродяги, Кристофера Найта. Торо в своих писаниях без конца восхвалял воздержанность. Но на самом деле он сломался через два года, два месяца и два дня. Он покинул свою хижину и вернулся в цивилизованный мир. А Найт, никакой не знаменитый мыслитель, продержался двадцать семь лет! Двадцать семь лет он кормился собирательством, мелкими животными, ягодами по сезону.

– Да, но я-то хочу есть! – воскликнул Уолден.

Он косился на оставшуюся банку бобов с сосисками и уже готов был ее вскрыть. И тут ему попался второй листок бумаги, засунутый между страницами «Лесов штата Мэн». Листок в клеточку, как и тот, на котором был нацарапан план, вырванный из той же тетради и сложенный вчетверо. Уолден сразу узнал почерк отца. Наверху стоял заголовок:

ИНСТРУКЦИИ СЛЕДОВАТЬ БУКВАЛЬНО

Ниже он с трудом прочел наспех написанные заметки. Джек Стивенсон напоминал кое о чем из того, что сказал сыну, прежде чем уйти:

Категорически запрещается выходить за периметр, обходись ресурсами, имеющимися на территории (съедобные ягоды, рыба, родниковая вода). Ничего не кради. Не приближайся к людям (если таковых обнаружишь). Оставлять «ремингтон» или нет? Стреляй только в случае крайней необходимости!! И т. д.

В самом низу Джек написал:

Встретимся в хижине. Надеюсь, что ужин будет готов... и вкусен!

Уолден надолго задумался. Была хорошая новость: отец, судя по всему, намерен вернуться. В остальном он узнал мало для себя нового. Поразмыслив, он пришел к выводу, что в руках у него что-то вроде черновика или шпаргалки. Отец, наверно, хотел переписать все это набело и повесить свои инструкции на стену. Ладно, решил он, завтра придется пойти за съедобными ягодами, рыбой и водой, а пока он съест бобы с сосисками.

Кое-что вспомнив, он отложил кусочек сосиски. Он слышал, что некоторые рыбы клюют на такую приманку. Времени было предостаточно, и Уолден принялся готовить удочку, которая послужит ему завтра. Леска у него была, но не было крючка. Для удилица надо будет срезать длинную и гибкую ветку.

Он стал рыться в ларе, почти опустошил его в поисках нужного предмета. Старая скрепка, например, могла бы подойти. Он выложил всю посуду: оловянную, помятую алюминиевую, из ивовой коры, – затем весь ненужный хлам и наконец нашел в щелях между досками две булавки и несколько ржавых гвоздей. На всякий случай он обследовал и левое отделение, где лежали дрова, и с огорчением обнаружил, что остался всего десяток поленьев на слое опилок. Уолден разгреб их руками – вдруг там кроется крючок его мечты. Под ними оказалось что-то похожее на плотную бумагу, которой выстилают ящики. Поверхность ее была грязно-желтого цвета, но Уолден разглядел темные очертания сложного рисунка. Сам не зная зачем, он вынул из ларя все поленья, чтобы достать бумагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.